

28 сентября 1973 г.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

К 60-летию Г. А. Товстоногова

СЕГОДНЯ народному артисту СССР Георгию Александровичу Товстоногову исполняется 60 лет. Более двадцати лет работает он в Ленинграде, именно здесь созданы режиссерские его лучшие сценические работы. Они хорошо известны и в стране, и за рубежом. О них писали газеты, журналы, потом о них писались книги. Поэтому в день юбилея мы решили предоставить слово на наших страницах самому юбиляру. «Что может быть особенно интересно узнать читателям?» — спрашивала я одного, другого, готовясь к беседе с Товстоноговым.

— Ближайшая премьера.
— Работа над горьковскими произведениями.

— Больше всего люблю высокую героиню его постановок. В чем режиссерский секрет их воздействия?

— Хобби.
— Про хобби я спрашивать не буду. Он собирает театральные и обрядовые маски всех народов. Их уже около 60 в коллекции.

— Зарубежные постановки. Как можно режиссировать, не зная языка?

— Ближайшая премьера. Творческие планы.

— Конечно, творческие планы. Конечно, с них начинается наша беседа в кабинете главного режиссера Академического Большого драматического театра имени М. Горького.

— В ЭТОМ сезоне я хочу поставить в БДТ три спектакля. Но сначала тот ваш вопрос о ближайшей премьере. Она состоится в Москве 8 октября в «Современнике». Это спектакль по «Современной идиллии» Салтыкова-Щедрина — «Балалайки и К°». Ближайшая же премьера в нашем театре будет в начале 1974 года. Мы только что начали репетировать пьесу Вампилова «Прошлым летом в Чулымске». Постановку его последней пьесы я рассматриваю и как долг перед памятью этого талантливейшего, безвременно ушедшего от нас человека. О чем эта пьеса? Как настоящее художественное произведение она многомерна. По сюжету — о наших днях. По теме — о становлении нравственного начала в человеке, о его победе.

Эта же тема — главная в другом произведении, которое мы тоже включили в план постановок нынешнего сезона — инсценировке повести Тендрякова «Три мешка сорной пшеницы» — о деревне 1945 года.

Третья моя постановка в нынешнем сезоне является ответом на вопрос о работе над горьковскими произведениями. Я очень люблю пьесы Горького и ставлю их, конечно, вовсе не потому, что театр носит его имя. Мне интересны пьесы Горького и именно тем, за что их иногда упрекают: мол, герои много говорят, но ничего не происходит. Мне всегда интересны именно эти разговоры, хочется вслушаться, вдуматься в них, в эту публицистику, которую нужно «обернуть», если можно так выразиться, жизнью, плотью, реальностью человеческого существования.

Я поставил «Варваров», «Мещан». Но самая моя любимая и самая характерная горьковская пьеса — это, конечно, «На дне». Я хочу ее поставить. Меня привлекает в ней тема сохранения человеческого достоинства, чести, высокого нравственного уровня (Горький именно в этой пьесе сказал свои знаменитые слова: «Человек — это звучит гордо») в любых жизненных обстоятельствах.

Очень важно всегда соотносить то, что происходит на сцене с тем, что наполняет, волнует зрительный зал сегодня. Если этого нет — спектакль не заживет, не «задышит». А без этого нет спектакля.

«Дорогой Георгий Алекс! Твое дружеское послание доставило мне большую радость. В суматохе нашей жизни, переполненной заботами, всегда приятно услышать слово одобрения. Мне особенно радостно услышать это слово от тебя — лидера нашей режиссерской корпорации. А главное, ты, как никто другой, знаешь цену тем усилиям, которые приходится затрачивать, чтобы создать настоящий театр, — ведь ты прошел этот трудный путь не один раз.

Еще раз спасибо тебе за добрые слова. Буду рад тебя видеть всегда на наших спектаклях. И надеюсь, что еще не раз обращусь к тебе за советом и помощью.

(Из личного письма А. Гончарова, главного режиссера

Театра имени Вл. Маяковского)

— НО ЕСЛИ говорить о созвучности с залом, то в первую очередь следует вспомнить спектакли героической темы, высокого патристического звучания. Двадцать с лишним лет прошло, а зрители и сегодня помнят «Гибель эскадры» или «Дорогой бессмертия» на сцене Театра имени Ленинского комсомола. Помнят «Оптимистическую трагедию» именно в Театре имени А. С. Пушкина. Как, работая над героической темой, достигаете Вы контакта со зрителями?

— ГЕРОИЧЕСКАЯ, публицистическая тема близка и нужна нашему времени. Не случайно «Поднятая целина» шла на нашей сцене три года. Документальный, открытый публицистический спектакль «...Правду! Ничего, кроме правды!!!» за шесть лет прошел 221 раз. Ставя героический спектакль, я стремлюсь к тому, чтобы высокая героика сплавилась с точностью жизненных деталей. Только тогда, мне кажется, напряжение подвига станет достоверным для зрителей. Просто патетика на сцене — это сегодня анахронизм. Нужно стремиться выразить идею через характер живого человека.

Так я стремился поставить «Гибель эскадры», так и в «Оптимистической» мне хотелось выразить высокий пафос произведения Вишневского через живую конкретность человеческих отношений и страстей. И у современных драматургов мы ищем — увы, часто безуспешно — именно пьесы, которые позволили бы говорить о высоких идеях нашего времени, сплавления воедино эпос и лирику, достоверность быта с поэзией и героикой.

«Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства постановил присудить Ленинскую премию 1958 года за наиболее выдающиеся достижения театрального искусства».

Товстоногову Георгию Александровичу, режиссеру — за спектакль «Оптимистическая трагедия» в Ленинградском государственном академическом театре драмы имени А. С. Пушкина».

— ПОСТАНОВКА «Оптимистической трагедии» была, насколько я знаю, потом повторена Вами в Венгрии и Чехословакии. Действительно, а как осуществляется режиссерская работа без знания языка? И будете ли Вы в этом году ставить что-либо за рубежом?

— МЕНЯ приглашают в Голландию и ФРГ поставить на их сцене русскую классику, но это, в самом деле, очень сложно... Чтобы поставить спектакль, надо посмотреть десятки других в этой стране, узнать, как их принимают зал. Надо узнать труппу, ее актеров, их возможности. И надо знать пьесу наизусть (впрочем, наизусть знаешь каждую пьесу, когда ее ставишь), только тогда можно судить, как несут артисты текст на незнакомом тебе языке.

Я ставил в Варшаве «На всякого мудреца довольно простоты», а польского языка не знал. Вслушивался на репетициях в интонации актеров, все реплики уже знал наизусть, а потом вдруг в один прекрасный день обнаружил, что совершенно свободно понимаю по-польски. Хорошо, конечно, но напряжения эта работа требует огромного. Так что не знаю, выучу ли я голландский и немецкий таким образом...

Но за рубежом мы поедем. В октябре у нас начинаются гастроли в Румынии. Потом буду в Венгрии, хочу посмотреть, как там идет «Ревизор», который я ставил в их театре. Кстати, мы договорились об «обмене Городничими». На нашей сцене в нескольких спектаклях его сыграет на венгерском языке Ференц Каллош, и Лавров в эти же дни будет играть в Будапеште.

«...Давно мы не видели такого необычного, совершенно по-новому акцентированного, оригинально прочитанного спектакля, как «Мещане». Это было поистине чудо искусства контрапункта — лирического и героического. После незабываемого впечатления, оказанного «Мещанами», нечего удивляться, что Товстоногова мы стали считать нашим близким другом, с которым хотя лично не были знакомы, но все время с интересом следили за вестями, поступающими из Ленинграда о его работе, с радостью слышали о его новых успехах и замыслах».

(Из венгерской газеты «Элет эш иродалом»)

«...и замыслах». Опять мы вернулись к творческим планам. Это естественно. Потому что то, что сделано Товстоноговым в советском театре ранее, обуславливает устойчивый интерес зрителей к тому, над чем работает он сегодня. Работает, как всегда плодотворно и напряженно.

Вела беседу М. ИЛЬИНА
На снимке: Г. А. Товстоногов на репетиции.

Фото М. Смирин